

Маркс в университете 3.0?

Чепуренко Александр Юльевич, д.э.н., НИУ ВШЭ, профессор кафедры экономической социологии, руководитель департамента социологии, 89857645129, achepurenko@hse.ru, Москва

Аннотация

В статье с позиций теории Маркса в «Капитале» проанализировано социально-экономическое содержание изменений в системе высшего образования, происходящих в рамках становления так называемого «академического капитализма». Показано, что основным агентом академического капитализма - университет 3.0 – есть по существу крупная капиталистическая корпорация, становление которой знаменует превращение формального подчинения академического труда капиталу в реальное, и рассмотрены его основные признаки. Автор отмечает, что российское высшее образование пока в меньшей степени затронуто этим процессом, чем сфера академии в развитых странах Запада, и страдает скорее от наследия прошлого, чем от тенденций превращения высшего образования в сферу реального подчинения труда капиталу, и формулирует некоторые подходы, которые могут позволить отечественным вузам встроиться в современные тренды развития.

Ключевые слова: К. Маркс; «Капитал»; реальное подчинение труда капиталу; социология высшего образования

В последний раз массивное «пришествие» Маркса с его критической теорией капиталистического хозяйства в университеты и университетские кампусы имело место в конце 1960-х гг. Оно почти совпало со 100-летием выхода 1-го издания 1 тома «Капитала», но причины ренессанса Маркса были во многом иными: первое послевоенное поколение

выступило с протестом против сложившейся к тому моменту социально-экономической модели и формальной демократии. Авангардом этого протеста выступила студенческая молодежь, а ее первой мишенью – авторитарные порядки в тогдашних университетах и в западном обществе конца 1960-х годов.

В настоящее время, в период двойного юбилея – 200-летия со дня рождения Маркса и 100-летия 1-го издания «Капитала», Маркс снова «вернулся» в академию: во многих ведущих университетах США и Европы в учебный процесс введены курсы, предлагающие студентам введение в экономическую теорию автора «Капитала» и рецепцию его теоретического наследия уже в контексте экономической и социальной жизни 21 века. Однако контекст этого нового ренессанса Маркса совершенно иной. Если в период «студенческой революции» обращение к Марксу имело во многом инструментальный характер и студенты стремились к тому, чтобы на основе реинтерпретации «Капитала» обосновать собственные мировоззренческие и политические позиции, то в наши дни это скорее пассивное потребление «по случаю» совершенно не известных молодежи начала 21 в. методических и теоретических подходов, за которыми не стоит сколько-нибудь осмысленного запроса на формирование социально-экономической или политической молодежной повестки.

Для этого есть ряд причин – и прежде всего, связанных с иным мировоззрением и мироощущением самих студентов, отражающим изменение социального контекста по мере перехода развитых стран от общества модерна к постмодерну. Подавляющее большинство сегодняшней студенческой молодежи, принадлежащей к поколению миллениалов, выросло в мире, находящемся «по ту сторону» материального производства и характерных для него социальных противоречий и конфликтов, им гораздо ближе проблемы экологического, гендерного характера, к которым Маркс в «Капитале» прямо не апеллирует. Это – не хиппи, а яппи, и Маркс в их представлении – это забавный фрик, который выламывается из мейнстрима

экономической и социальной мысли примерно так же, как анонимный автор граффити Бэнкси – из современного богемного искусства. Т.е. если интерес и возникает, то скорее, это интерес эстетического, чем содержательного свойства. (Разумеется, я не говорю о сравнительно узкой группе молодых лиц, которые разделяют идеи коммунизма или антиглобализма и читают «Капитал», наряду с работами Тома Пикетти [Piketty, 2015] или Эстер Дуфло [Duflo, 2009], в поисках путей изменения современного мира.)

Поэтому, в отличие от ситуации конца 1960-х гг., когда интерес к Марксу возник в студенческой среде, а профессура университетов всячески сопротивлялась введению «Капитала» и содержащихся в нем идей в академический дискурс, то сегодня именно профессура выступает инициатором возвращения экономической теории Маркса в учебные аудитории. Наиболее поверхностным объяснением этого является стремление некоторых представителей академического истеблишмента к популярности в студенческих кругах: на Маркса возник «юбилейный спрос», поэтому, предлагая студентам некоторое новое прочтение «Капитала», можно заодно привлечь их внимание к своим основным академическим интересам и занятиям. Но, как представляется, и в академических кругах сегодня ситуация иная, чем 50 лет назад. Во-первых, значительная часть академического персонала западных университетов является если не участниками, то идейными наследниками студенческой революции конца 1960-х гг., а потому Маркс для этой аудитории – не «чужой». Во-вторых, многие из них сегодня ощущают себя прекариатом (если употребить термин Гая Стэндинга [Стэндинг, 2014]), т.е. утратили свой во много привилегированный статус на рынке труда и часть академических свобод, а потому разделяет критический взгляд на мироустройство, свойственный Марксу.

По мере того, как в структуре внутренних отношений в современных университетах (университетах 3-го поколения, в интерпретации Й. Висемы [Wissema, 2009], или «предпринимательских университетах», в

терминологии Б. Кларка [Кларк, 2011]), происходят серьезные изменения, Маркс со своим анализом формального и реального подчинения труда капиталу становится весьма актуальным для понимания сути происходящего.

Университет 3.0 как институт реального подчинения академического труда капиталу

Университет 3.0, как справедливо подчеркивается в литературе - это ответ высшего образования на вызовы эпохи, это изменение модели функционирования университета в направлении большей адаптивности, гибкости, в направлении более активного взаимодействия с окружением – государственными институтами, бизнесом, венчурным капиталом, в направлении создания внутри университетов центров коммерциализации (трансфера технологий, патентной поддержки и защиты, бизнес-инкубирования и т.п.), т.е. по сути – центров прибыльности, как это происходит внутри рыхлых крупных корпораций, стремящихся обрести второе дыхание на рынке за счет внутрикорпоративного предпринимательства, интрапренерства. Это дает встряску, позволяет найти внутри и привлечь извне дополнительные ресурсы для развития университета, но это же приводит и к складыванию в образовательных учреждениях таких методов коммуникации и управления, которые свойственны крупным иерархизированным бизнес-структурам.

Постоянно возрастающая конкуренция между университетами (за государственное и частное финансирование, за лучших и более платежеспособных студентов), подстегиваемая рейтингами и ранкингами как механизмами внешнего мониторинга и управления, накладывается на корпоратизацию внутреннего уклада высших учебных заведений, рационализацию их управленческой структуры, создание жесткой управленческой вертикали, превращение различного рода показателей затратности и доходности учебного процесса в универсальные измерители

успешности отдельных преподавателей и учебно-научных подразделений университетов.

По существу, университет, долгое время остававшийся периферийным для капиталистического производства институтом, сегодня активно вовлекается в орбиту экономических и властных отношений современного капиталистического общества. Происходит, в терминологии Маркса, переход от формального к реальному подчинению умственного труда академическому капиталу. Именно в этом – основное содержание «академического капитализма», который, напр., в работах [Slaughter, Leslie, 1997; Slaughter, Rhoades, 2004] трактуется как строящаяся на основе принципов рынка деятельность научно-образовательной организации, а также ее преподавателей и сотрудников по привлечению внешних денежных средств, со всеми вытекающими отсюда экономическими, организационными и социальными последствиями.

В современной западной литературе об университетах 3.0 они достаточно хорошо описаны. В первую очередь, видимым свидетельством встраивания университетов в общество «академического капитализма» становится появление многих непривычных подразделений, которые дополняют традиционные структурные единицы (факультетам, школы и т.д.) – такие, как инженерно-технологические подразделения, курсы предпринимательства, центры инкубирования бизнеса и проч. Это формирует новый облик вузов, приближая его к облику многоотраслевой бизнес-корпорации.

Далее, происходят важные изменения в структуре и иерархии ролей и задач основных акторов университета, профессоров и преподавателей. Образовательные задачи все больше подчиняются задачам исследований и продвижения их результатов. Соответственно, для этого необходимы мощная лабораторная база с новейшим оборудованием и технологами, способными ее обслуживать, а также мощные фандрайзинговые подразделения и подразделения по работе со спонсорами и выпускниками, помогающие

привлекать средства для финансирования исследований. Роль такого «вспомогательного» персонала для успешного функционирования университета становится столь же важной, как и роль академического персонала. Наконец, все чаще преподавателям приходится брать на себя, помимо «академических» и чисто «неакадемические» функции, т.е. происходит размывание разграничений между ролями и формирование некоего совокупного работника высшего образования.

На этом фоне, естественно, происходят и изменения в сфере организационной и корпоративной культуры. Традиционный университет представлял собой особый вид общественного института, который отличался от коммерческих организаций, выступая своего рода «башней из слоновой кости» для тех интеллектуалов, кому не близки цели и ценности внешнего мира. Это отличие подчеркивалось академической свободой - независимостью университета от внешних воздействий и коллегиальностью как особым способом организации внутренней деятельности. «Предпринимательские» же университеты стали утрачивать эту свою прежнюю идентичность (см., напр., [Scott, 2006]). На смену горизонтальному академическому самоуправлению во многих сферах жизни университетов приходит вертикальное «управление по результатам»; на смену избранным из числа самих профессоров временным руководителям – наемным менеджерам от образования; на смену атмосфере задумчивой отъединенности – атмосфера поиска быстрого результата, рыночной эффективности.

Представляется, что, хорошо описывая содержание этих изменений, многие авторы не видят их социально-экономического смысла и объективной обусловленности. Не понимает их и подавляющее большинство самих университетских работников: отсюда - многочисленные жалобы на «университетскую бюрократию», на примат внешних показателей («хиршемания»), которыми теперь руководство университетов оценивает успешность академического персонала, на несовместимость принципа

«publish or perish» и преклонения перед кумулами и импакт-факторами с ведением действительно глубоких фундаментальных исследований, в которых окончательный результат непредсказуем – ни с точки зрения его содержания, ни с точки зрения времени его появления.

Между тем, в понимании сути происходящего в современных университетах много может дать обращение к Марксу, в частности, к его понятию формального и реального подчинения труда капиталу. Как известно специалистам, в рукописи 1861-1863 гг. впервые Маркс подробно исследовал три стадии в развитии производства относительной прибавочной стоимости, а тем самым и реального подчинения труда капиталу: простую капиталистическую кооперацию, мануфактурное разделение труда и крупное машинное производство.

Сутью реального подчинения труда капиталу является превращение наёмного рабочего в *придаток машины* как средства увеличения прибавочной стоимости. Соответственно, капиталист может установить более напряжённый трудовой ритм, обрекая работника на изнурительный сверхинтенсивный труд. Именно это происходит в условиях «академического капитализма» во многих университетах – через систему показателей, которых должен достигать академический работник, формируется запрос на более интенсивный труд. Далее, фабричное производство во многих случаях упрощает трудовые функции по сравнению с прежним ремеслом и приспособливает эти функции к работе своего механизма. Способности работника к свободному труду ограничиваются. Преподаватель может оставить один университет и перейти в другой, но оторваться от системы высшего образования, в которой все принципы внутренней организации построены на основе фабричной системы, он не может. Приват-доценты ушли в прошлое – на их место пришли странствующие от университета к университету постдоки, работающие за весьма скромное вознаграждение аспиранты, др. категории академического рабочего класса.

Подводя итог анализу реального подчинения труда капиталу, Маркс заключает, что вместе с ним «происходит полная революция в самом способе производства, в производительности труда и в отношении — внутри производства — между капиталистом и рабочим, так же как и в социальном отношении обоих друг к другу»¹. В частности, Маркс указывает на все возрастающий «минимум капитала», необходимый для ведения капиталистического производства и не идущий ни в какое сравнение с тем, что «могли бы накопить отдельный человек или отдельная семья в течение поколений... Объем требуемых условий труда не находится больше ни в каком соотношении с тем, что может в случае удачи присвоить отдельный рабочий посредством экономии и т.д.»². В сфере высшего образования, по существу, только в области частного репетиторства, а также написания заказных работ на потребу ленивым студентам – т.е. по сути в неформальной и даже в нелегальной экономике – отдельный преподаватель еще может выступать в качестве «конкурента» вуза, но эта сфера быстро сокращается благодаря машинным же (основанным на интернете и искусственном интеллекте) способам тьюторинга и проверки машиночитаемых текстов.

Разумеется, во времена самого Маркса сфере духовного производства еще «в большинстве случаев ... дело ограничивается *переходной к капиталистическому производству формой*... Проявления капиталистического производства в данной области столь незначительны по сравнению со всем совокупным производством, что они могут быть оставлены совершенно без внимания»³. Но в условиях современного капитализма, подчинившего себе и духовное производство, включая науку и образование, Марксовы идеи позволяют интерпретировать происходящее в этой сфере и понять, что современные университеты – не что иное, как распространение принципов фабричного производства и организации труда

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч.. 2-е изд., т. 48, с. 19.

² Там же, с. 18.

³ Там же, с. 60.

на сферу образования и науки, которые в обществе знаний становятся важнейшей сферой производства относительной прибавочной стоимости.

Во-первых, значительная часть академического персонала становится частью совокупной интеллектуальной рабочей силы, которую университет эксплуатирует с целью получения отдачи на вложенные им средства, а вместе с тем на нее распространяются все используемые обычно в практике развитого капитализма формы найма и механизмы торга по поводу цены рабочей силы: продолжительность контрактов сокращается, как и доля академической рабочей силы, имеющей право на пожизненный контракт. Все больше появляется парт-таймеров, а также студентов и аспирантов, которых привлекает университет на низшие позиции для ведения учебных занятий или реализацию исследовательских проектов. Повышение рыночной эффективности видится менеджерам от образования, в полном соответствии с теорией Маркса, в возможно более полной замене живого труда овеществленным, дорогой рабочей силы – более дешевой. Этому способствуют современные информационные технологии, пришедшие и в высшую школу: онлайн-курсы не требуют регулярного участия в процессе преподавания высокооплачиваемых профессоров – только сравнительно «дешевой» поддержки (прокторинга). Но академическая элита университетам все-таки нужна – для руководства прорывными прикладными и фундаментальными исследованиями и для защиты своих позиций в академических рейтингах, большинство из которых в сильной степени оценивают уровень университета по количеству публикаций в топовых журналах и индексам Хирша. Без стимулирования ведущих преподавателей и профессоров к постоянному публикационному подвижничеству это невозможно, и ведущие университеты создали целую систему поиска, привлечения, дополнительного стимулирования и «удержания» высокопродуктивных в научном отношении коллег.

Все это приводит к сегментации еще недавно сравнительно гомогенной академии на небольшую часть привилегированных tenured профессоров и

подавляющее большинство академических работников, в отношении которых используются все приемы и методы найма и оплаты, которые до этого были характерны для наемных работников крупного фабричного производства (с его разделением на сравнительно благополучное ядро и периферию).

В итоге, «... так как в этих отраслях производства ... постепенно вводится капиталистический способ производства, то здесь, как и в отрасли, производящей необходимые жизненные средства, применяемый труд сводится к простому среднему труду, с чем одновременно связана тенденция к удлинению абсолютного рабочего дня. Здесь, следовательно, происходит совершенно такое же обесценение рабочей силы, как и в других отраслях, обесценение, которое происходит не вследствие удешевления жизненных средств, а вследствие упрощения труда, сведения его к простому среднему труду»⁴. Рано или поздно те, кто выдавливается в прекариат, начнут проявлять интерес к осмыслению своего нового положения в системе координат современного университета. Известная их часть вполне может предъявить спрос на истолкование происходящего в категориях и на основе теории «Капитала».

Во-вторых, ресурсы, необходимые для академического труда – начиная с библиотечного фонда и заканчивая дорогим лабораторным оборудованием – могут быть в необходимых масштабах мобилизованы и введены в использование сотрудниками университета только благодаря огромным, недоступным академическим работникам поодиночке, финансовым вложениям университета и являются его собственностью. Как пишет Маркс, «в этом процессе, в котором *общественные* черты труда рабочих противостоят им как нечто в известном смысле *капитализированное* (как, например, в условиях системы машин осязаемые продукты труда выступают как владельцы труда), то же самое, естественно, происходит с силами природы и с наукой, этим продуктом всеобщего исторического развития,

⁴ Там же, с. 23.

абстрактно выражающим его квинтэссенцию; силы природы и наука противостоят рабочим как *силы капитала*»⁵.

В результате в современном университете как институте по производству нового знания «наука в качестве всеобщего духовного продукта общественного развития точно так же выступает ... как нечто непосредственно *включенное в капитал* (а применение ее как науки, отделенной от знаний и умения отдельного рабочего, в процессе материального производства проистекает только из *общественной* формы труда), как силы природы как таковые и как природные силы самого *общественного* труда. Всеобщее развитие общества как такового, так как по отношению к труду это развитие эксплуатируется капиталом, действует по отношению к труду как производительная сила капитала, ... выступает, следовательно, как *развитие капитала*, причем выступает в тем большей мере, чем более вместе с этим развитием происходит *опустошение рабочей силы*, по крайней мере, огромной ее массы»⁶.

Как и в конце 1960-х гг., новая встряска в высшей школе не может не повлечь за собой социально-политических и институциональных последствий. Если тогда основным результатом стала более глубокая и активная вовлеченность студентов в управление учебным процессом, то теперь ответ может лежать скорее в плоскости нахождения нового баланса интересов между новым университетским менеджментом и прекариями, в новом общественном договоре между «пролетариями умственного труда» и администрацией высших учебных заведений.

Вот как видятся возможные черты такого нового общественного договора:

- Распространение подходов корпоративной социальной ответственности (КСО) на университеты: стремление при формировании и развитии стратегии университетов учитывать

⁵ Там же, с. 36-37.

⁶ Там же, с. 39.

интересы широкого круга стейкхолдеров, а не только высшей академической бюрократии;

- Расширение участия младшего академического персонала в решении вопросов развития университетов, прежде всего в части кадровой политики, найма и увольнения.

Значимую роль может сыграть при этом позиция студенчества, в частности, тот факт, сможет ли оно проявить себя в качестве самостоятельной стороны, или позволит менеджменту университетов инструментализировать запрос современной молодежи на edutainment - с целью сделать студентов более послушными исполнителями идей «эффективных менеджеров» высшего образования.

Университет 3.0 и реалии России

Различные аспекты указанных процессов трансформации вузов в России внимательно анализируются (см., в частности, [см., напр., Yudkevich, 2013; Froumin et al., 2014; Неборский, 2015]), но пока находятся в зачаточной стадии и затрагивают главным образом горстку ведущих университетов, которые по сути уже конкурируют с ведущими зарубежными игроками академического рынка. К остальным же применимо то, что писал в свое время Маркс, имея в виду неразвитое, по сравнению с британским, буржуазное общество Германии середины 19 в.: «Там, где у нас вполне установилось капиталистическое производство, например на фабриках в собственном смысле, наши условия гораздо хуже английских, так как мы не имеем противовеса в виде фабричных законов... мы, как и другие континентальные страны Западной Европы, страдаем не только от развития капиталистического производства, но и от недостатка его развития. Наряду с бедствиями современной эпохи нас гнетет целый ряд унаследованных бедствий, существующих вследствие того, что продолжают прозябать стародавние, изжившие себя способы производства и сопутствующие им

устарелые общественные и политические отношения. Мы страдаем не только от живых, но и от мертвых»⁷. Беды подавляющего большинства российских вузов – не в «академическом капитализме», который в России пока известен в основном понаслышке, а в «унаследованных бедствиях», т.е. в укоренившейся институциональной инерции, сохранении принципов и практик, почти в неизменном виде перекочевавших из советских вузов – производителей кадров для социалистической индустрии.

В российском вузовском сообществе наблюдаются две тенденции: с одной стороны, продвинутая часть вузовского сообщества активно продвигает новые форматы обучения, включая онлайн-курсы, формирует инновационную инфраструктуру, чтобы стимулировать обучение предпринимательству студентов и сподвигнуть на создание высокотехнологичных стартапов своих профессоров и преподавателей, встраивается в процесс экспорта образовательных услуг и в международные коллаборации. С др. стороны, тянет назад накопленный «багаж»: весьма возрастной преподавательский состав, который противится любым нововведениям уже потому, что «раньше так не было»; устаревшая физическая инфраструктура, включая лабораторное оборудование и станочный парк; низкое качество абитуриентов, не желающих и зачастую просто не способных учиться в вузе (при среднем балле ЕГЭ чуть выше «тройки»); похожие на трущобы из рассказов Гиляровского общежития; наконец – отсутствие современных навыков управления вузом в сочетании с оппортунистическим поведением части администрации.

Тяжелым грузом на субъектов российского высшего образования давит не столько капитал, сколько ведомственно-бюрократический пресс государственной «вертикали», с мелочной регламентацией и запросом на «быстрые» результаты там, где они по определению не могут быть достигнуты быстро. Стремление во что бы то ни стало выполнить майские 2012 г. указы Президента по повышению заработной платы преподавателей

⁷ Там же, т. 23, с. 10.

зачастую оборачивается массивными сокращениями, причем первыми попадают на «красный карандаш» фамилии тех преподавателей и профессоров, которые раздражают администраторов вузов своей независимой гражданской позицией или неприятными вопросами по поводу направлений и целесообразности производимых администрацией расходов.

К сожалению, многие преподаватели воспринимают происходящее не как конвульсии советской по сути модели вуза в новых условиях, а как результат происков то ли «глобальной закулисы», то ли отечественных реформаторов образования, злонамеренно покушающихся на нашу прекрасную и все еще жизнеспособную высшую школу. Им следует ответить словами Маркса: «Нечего предаваться иллюзиям... Всякая нация может и должна учиться у других. Общество, если даже оно напало на след естественного закона своего развития..., не может ни перескочить через естественные фазы развития, ни отменить последние декретами. Но оно может сократить и смягчить муки родов»⁸.

Современный российский вуз должен готовить не инженеров для не существующих более крупных государственных предприятий, а специалистов, обладающих, наряду с навыками в профессии, также способностью управлять проектами, принимать на себя риски, т.е. проявлять предпринимательские навыки. Соответственно, современный российский вуз должен много внимания уделять совершенствованию содержания образования. Работая вместе с региональными работодателями, создавая совместные площадки для проектной деятельности студентов и стимулируя предпринимателей и венчурных капиталистов приходит в вуз, становясь бизнес-коучами и менторами вузовских старт-апов.

Вуз должен уметь действовать проактивно – т.е. анализировать тренды в области науки и высшего образования и формировать те элементы собственной внутренней структуры, которые станут триггерами изменений. Нужно обратить внимание на те виды и формы образования, которые пока

⁸ Там же, т. 23, с.9-10.

находятся на периферии их внимания – дополнительное образование взрослых, а также научиться предлагать часть образовательного контента своим студентам факультативно, на платной основе, ибо ни в какой формат образования, ни в 2-летнюю магистратуру, ни в 4-летний бакалавриат, невозможно втиснуть все то, что может пригодиться студентам на их карьерном пути.

Кроме того, вузам следует отказаться от представлений о вечности и неизменности направлений обучения – хотя бы потому, что нынешним выпускникам придется жить в обществе, где цикл жизни профессий существенно сокращается, причем современные информационные технологии (в частности, блокчейн) сделают в самом ближайшем будущем избыточными еще недавно вполне уважаемые профессии нотариуса или корпоративного юриста. Отсюда – необходимость постепенного перехода к модели «образовательного супермаркета», в котором «клиент» выбирает те продукты, которые сам считает необходимыми, а не (только) те, которые государство вменило ему в виде «образовательного прожиточного минимума».

Далее, российским вузам придется отрешиться от аксиомы о том, что ядром образовательного курса являются аудиторные лекции, а фундаментом самоподготовки студентов – чтение и конспектирование учебников. Уже сейчас наиболее целеустремленные студенты могут вместо курсов (или в дополнение к курсам) своих профессоров получить доступ к мировым звездам академии на различных платформах открытого интерактивного образования, а учебник умирает прямо на наших глазах, и его с успехом вытесняют википедия и аналогичные ресурсы интернет.

Соответственно, чтобы удержать студентов, вузам потребуется сделать очень многое - в частности, значительно изменить формат учебного процесса, пересмотреть сложившуюся структуру академического персонала, провести массовое переобучение части преподавателей, чтобы обучить их использованию новых методов и технологий образования.

Наконец, им придется увидеть в студентах важных участников образовательного процесса – чтобы опереться на энергию молодежи в борьбе с авторитарными порядками, коррупцией и кумовством, укоренившимися во многих российских учреждениях высшего образования.

Как сделать все это, находясь в рамках весьма жестких ресурсных ограничений? Только одним способом – перестроив управленческую модель вуза на началах предпринимательства, т.е. поиска ресурсов (человеческих, финансовых), которых никогда не хватает, на внешнем рынке, предлагая участникам этого рынка сотрудничество, включая и интрапренерство, т.е. поощрение своих сотрудников за проявление инициативы в реализации новых образовательных, исследовательских, социальных и иных проектов, укрепляющих репутацию и повышающих переговорную силу вуза в общении с региональными руководителями и бизнес-структурами.

Какую позицию могут занять преподаватели российских вузов? Они могут поддержать такого рода изменения, понимая, что «новый прекрасный мир» академии будет иным, но не менее трудным; он создаст не только новые возможности для университетов, но и новые проблемы – в том числе, будет происходить дальнейшее статусное и доходное расслоение преподавательского состава, сопровождаемое переходом значительной части преподавателей на непостоянные позиции, расширение поддерживающих функций, типа прокторинга (сопровождения онлайн-курсов), в противовес «полноценным» аудиторным занятиям, конкуренция со стороны неакадемических форматов образования, начиная с различных онлайн-курсов и заканчивая корпоративным образованием крупных компаний, и многие пока еще не вполне осознанные риски и опасности.

Но только таким образом можно избежать главной опасности, угрожающей российскому высшему образованию, – убаюкивая себе прошлыми достижениями, остаться в колее высшего образования второй половины 20 в. и окончательно выпасть из контекста современных тенденций его развития, о чем уже предупреждают видные теоретики образования [Altbach, 2003].

Тот переворот, который происходит сегодня в высших учебных заведениях в наиболее продвинутых странах и центрах академического образования, давно завершён в основных отраслях материального производства по всему миру. Университет 3.0 – это своего рода фабричная система, его доминирование в обществе производства знаний следует принять как реальность, от которой не удастся спрятаться (несмотря ни на какую национальную «уникальность» и исключительность российских образовательных традиций), а потому к ней следует готовиться - но с открытыми глазами.

Литература:

Кларк Б.Р. Создание предпринимательских университетов: организационные направления трансформации. М.: ВШЭ, 2011.

Маркс К. Капитал, т. 1. В: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23.

Маркс К. Экономическая рукопись 1861-1863 гг. В: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 48.

Неборский Е.В. От классической к постклассической парадигме высшего образования // Педагогика. 2015. № 5. С. 35-41.

Пикетти Т. Капитал в XXI веке. – М.: Ад Маргинем Пресс, 2015.

Стэндинг Г. Прекариат: новый опасный класс. М.: Ад Маргинем Пресс, 2014.

Altbach P. G. (ed.) The Decline of the Guru: The Academic Profession in Developing and Middle-Income Countries, New York: Palgrave/MacMillan, 2003.

Duflo E. Expérience, science et lutter contre la pauvreté. Paris : Fayard 2009.

Froumin I., Kuzminov Y. I., Semyonov D. Institutional diversity in Russian higher education: revolutions and evolution // European Journal of Higher Education. 2014. Vol. 4. No. 3. P. 209-234.

Scott P. The Academic Profession in a Knowledge Society // The Formative Years of Scholars / Ed. by U. Teichler. London: Portland Press, 2006. P. 19-30.

Slaughter S., Leslie L.L. Academic Capitalism: Politics, Policies, and the Entrepreneurial University. Baltimore, MD: John Hopkins University Press, 1997.

Slaughter S., Rhoades G. Academic Capitalism and the New Economy: Markets, State, and Higher Education. Baltimore, MD: Johns Hopkins University Press, 2004.

Wissema J. Towards the Third Generation University: Managing the University in Transition. Cheltenham: Edward Elgar, 2009.

Yudkevich M. M. Leading Universities in Russia: From teaching to Research Excellence // Journal of International Higher Education. 2013. Vol. 6. No. 3. P. 113-116.

Marx at the University 3.0.?

Chepurenko Alexander Yulievich;

National Research University Higher School of Economics / Institute of Sociology of RAS (Russia);

Alexander Y. CHEPURENKO, Doctor of Economics, Professor, National Research University Higher School of Economics / Institute of Sociology of RAS, Moscow, Russia (achepurenko@hse.ru)

Abstract

The paper is an attempt to consider the contemporary changes in the global higher education known as the establishing of ‘academic capitalism’ from the point of view of Marxian’ theory reflected in ‘Capital’ and related economic manuscripts. It is shown that the main actor of the academic capitalism the so-called third generation university is de facto a big capitalist corporation; its formation is a sign of a shift from ‘formal’ to ‘real subsumtion’ of academic labor under the capital (in Marx’ terms) in a knowledge based economy. Its most important features are as follows: the formation of a cooperation based academic labor power used by modern universities as its tool; the cooperation itself is becoming a self-sustaining specie confronting the academics; the knowledge itself produced by academic laborers is becoming a tool not of members of the university, but of capital itself.

Considering the Russian higher education, the author points out that here the process of real subsuming of academics under the capital is less expressed, most of Russian higher educational institutions are starving merely from the Soviet heritage than from the transformation into the area platform of 'academic capitalism'. Thus, the paper pledges for some approaches which might help Russian universities to adapt for modern development trends in higher education.

Keywords Karl Marx, "Capital", real subsumption of labor under the capital, Sociology of education

References

Altbach P. G., ed. (2003) *The Decline of the Guru: The Academic Profession in Developing and Middle-Income Countries*. New York: Palgrave/MacMillan.

Clark B. R. (1998) *Creating Entrepreneurial Universities: Organizational Pathways of Transformation*. Oxford, UK: Pergamon.

Duflo E. (2009) *Expérience, science et lutte contre la pauvreté*. Paris: Fayard.

Froumin I., Kuzminov Y., Semyonov D. (2014) Institutional diversity in Russian higher education: revolutions and evolution. *European Journal of Higher Education*. Vol. 4. No. 3: 209-234.

Marx K. (1867) *Capital, Volume 1*. In: Karl Marx and Frederick Engels, Collected Works, Vol. 35.

Marx K. *Economic Manuscript of 1861-1863*. In: Karl Marx and Frederick Engels, Collected Works, Vol. 33.

Neborski E.V. (2015) From the Classical to the Post-Classical Paradigm of Higher Education. *Pedagogica*. No. 5. P. 35-41. (In Russ.)

Piketty Th. (2014) *Capital in the Twenty-First Century*. Boston: Harvard University Press.

Standing G. (2011) *The Precariat – The New Dangerous Class*. London: Bloomsbury.

- Scott P. (2006) The Academic Profession in a Knowledge Society. In: Teichler U. (ed.) *The Formative Years of Scholars*. London: Portland Press: 19-30.
- Slaughter S., Leslie L.L. (1997) *Academic Capitalism: Politics, Policies, and the Entrepreneurial University*. Baltimore, MD: John Hopkins University Press.
- Slaughter S., Rhoades G. (2004) *Academic Capitalism and the New Economy: Markets, State, and Higher Education*. Baltimore, MD: Johns Hopkins University Press.
- Wissema J. (2009) *Towards the Third Generation University: Managing the University in Transition*. Cheltenham, UK: Edward Elgar.
- Yudkevich M. (2013) Leading Universities in Russia: From teaching to Research Excellence. *Journal of International Higher Education*. Vol. 6. No. 3: 113-116.